

Н.В.ПРОКОФЬЕВА

СТАРООБРЯДЦЫ И ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Согласно донесениям приходских священников, миссионеров Русской православной церкви, официальным отчетам государственных чиновников, изысканиям исследователей старообрядчества XIX—начала XX вв., на территории Верхнего Поволжья практически не было местностей, полностью “свободных” от раскола, хотя количественное соотношение численности православного и старообрядческого населения отдельных районов имело существенные различия. Священники большинства приходов, исполняя свои пастырские обязанности, должны были наблюдать за состоянием раскола на вверенной им территории, предупреждать его распространение и делать все возможное для обращения староверов в “лоно Православия”. Цель настоящего исследования — проследить эволюцию во взаимоотношениях приходского духовенства и старообрядцев на протяжении XIX—начала XX вв.

В XVII—XVIII вв., когда противостояние между двумя церквями было особенно острым, никонианские священники рассматривались старообрядцами как лишенные благодати, с одной стороны, и союзники “гонителей веры древлеправославной”, с другой. Избегание священства имело двойное основание: стремление к сохранению своей веры и обеспечению безопасности и бегство от мира антихриста (“ни попов в дом пущати, ни по церквам Божиим не велят ходити, ни причащаться святых”) (1). К началу XIX в. к упомянутым выше прибавился еще один мотив: демократичность религиозной жизни в расколе противопоставлялась религиозному строю в господствующем православии. В религиозных организациях старообрядчества большую роль играли миряне, в беспоповщине из их среды выделялись наставники. Я.В.Абрамов писал: “Беспоповцы, отвергая православных священников,

особенно упирают на то, что они ставленники", то есть поставлены начальством, а не избраны миром" (2).

В поповщине наставников заменили священнослужители, обратившиеся в раскол. Крестьянин, уклонившийся в раскол, "находил в поповщине те же посты, те же праздники, тот же богослужебный чин", но теперь "вместо того, чтобы зависеть от попа, попы зависели от него: он знал, что поп над ним не начальник, а должен служить своему делу, в противном случае должен уходить" (3). В условиях отдаленности приходского храма от ряда селений, исповедовавшие православие в его официальной форме нередко предпочитали обращаться за исполнением религиозных треб к местным начетчикам и старообрядческим попам, так как, по выражению священника Успенской церкви с.Вятского (Даниловский уезд, Ярославская губерния) "невежественные прихожане не видят никаких различий между православным священником и раскольническим" (4).

Не прибавляли уважения к духовенству господствующего православия несправедливая жизнь и злоупотребление спиртным некоторых его представителей. В Приветлужье (районе, где доля старообрядческого населения была достаточно велика) православные официального направления, "колеблющиеся в вере", рассуждали так: "Как к такому попу идти на исповедь?! Лучше снесу свои грехи благочестивой старухе", — и шли "спасаться перед смертью к старообрядческим наставникам и наставницам" (5).

В XIX столетии существовало твердое убеждение: чем больше староверов в приходе, тем причт обеспеченнее (6). У священников г.Плеса Костромской губернии существовало на этот счет очень красноречивое выражение: "Наша горница ими только и кормится" (7). Назовем наиболее распространенные уступки старообрядцам со стороны священников после получения взяток: предупреждение о готовящихся полицией осмотрах домов (8), записи в исповедных росписях "бытчиками" (9), внесение имен детей старообрядцев в метрические книги (10), разрешение исполнять требы по старому обряду (11). В некоторых местностях плата священникам господствующего православия приобрела постоянный, упорядоченный характер. К примеру, в гуслицких старообрядческих обществах в пользу причта храма господствующего вероисповедания существовал особый сбор от 40 до 60 коп. с души,

который прикладывался к казенным и мирским податям и доставлялся приходскому духовенству ранее других податей. Примечательно, что подобный сбор не гарантировал безопасности — доносы продолжались (12). Неприязнь к мздоимству духовенства господствующего православия нашла свое выражение в пословицах и поговорках: "поп дерёт и с живого, и с мёртвого", "поповские глаза завидуши, поповские руки загребуши", "поп, что ни говори, а все в карман глядит" (13).

В целом, мы можем сказать, что определяющей основой, обуславливающей степень контакта старообрядцев с властями духовными, выступало учение толка или согласия, к которому принадлежали староверы, и "сила" раскола в приходе. Так, благочинный III округа Романово-Борисоглебского уезда (Ярославская губерния) докладывал: "К приходским причтам раскольники относятся не везде одинаково: где старообрядцев много (например, в приходе Староандреевском), там заметно пренебрежение к причту, напротив — где их мало, там и отношение к приходскому причту дружелюбнее" (14). В отношении старообрядцев Верхнего Поволжья к приходскому священству во второй половине XIX — начале XX вв. можно условно выделить три полюса: "дружелюбие" (15), нейтральное (стараяются избегать контактов) (16), "враждебное" (17). По данным Корнилия к началу XX в. многие старообрядцы по Ярославской епархии (например, спасовцы) стали все чаще обращаться к священникам РПЦ за исполнением религиозных нужд (18). Нами выявлены также случаи посещения староверами приходского храма из уважения к своим соседям-новообрядцам (при совершении обрядов крещения, венчания и отпевании умерших) (19). Нередко староверы принимали священников у себя дома, но только без святынь, "боясь осквернения" (20). Иногда главы семей, придерживающиеся староверия, когда в доме проживали нестарообрядцы, разрешали священникам входить в дом со святыней, но сами к ней не подходили (21). Страх оскверниться, соприкоснуться с "миром антихриста" был достаточно велик и выражался в самых разных формах, что часто служило препятствием во время осуществления священником своих функций. Например, во время крестного хода с окроплением полей святой водой в д.Курицыне (Костромская губерния) наставник Терентий Кондратьев "во весь народ кричал, чтоб священники не

пакостили поля” (22). Практически во всех изученных нами материалах указывается, что даже при наличии контакта с приходским духовенством и доброжелательном отношении к причту, старообрядцы, как правило, уклонялись от бесед по вопросам веры и не принимали увещаний (23).

Итак, на основании анализа источников мы можем констатировать, что к концу XIX—началу XX вв. напряженность в отношениях староверов с приходским духовенством в целом (разумеется, были и исключения) заметно спадает (исчезновение прежней вражды (24), добрые отношения старообрядческих и новообрядческих попов были столь очевидны, что “более закоренелые староверы” видели в этом “признаки последнего времени” (25)).

Нам представляется возможным объяснить это, во-первых, изменением правительственного курса в отношении раскола, и во-вторых, пониманием, достигнутым в господствующем православии, что “возвращение заблудших чад” в лоно церкви возможно только путем терпеливых увещаний и просвещения. Доносительство полицейскому начальству, воспрепятствование исполнению религиозных треб староверами не привели к желаемому результату, напротив, ореол мученичества повышал их авторитет в глазах православных господствующего направления, что способствовало распространению раскола.

Таким образом, анализ источников позволяет нам сделать следующий вывод: за два с половиной столетия сосуществования приверженцы обеих конфессий проделали путь от ожесточенного противостояния к осознанию необходимости поиска компромисса и религиозной терпимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Иванов Ю.А. Шуйские раскольники. Шуя, 1997. С.7.
2. Абрамов Я.В. Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. №5. С.125.
3. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч.II. Калинин, 1971. С.84.
4. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.230. Оп.3. Д.3373. Л.63.
5. Оглоблин Н.Н. Из ветлужских впечатлений // Исторический вестник. 1915. №7. С.158.

6. Из Гуслиц // Русский курьер. 1880. № 122. С.3.
7. Из дневника коллежского асессора Арнольди по исследованиям раскольников Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В.Кельсиевым. Вып.2. Лондон, 1861. С.20.
8. Из секретной записки статского советника Синицына о раскольниках в Ярославской губернии в 1852 г. // Там же. С.1.
9. Там же. С.12.
10. Титов А.А. Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Ч.3-7. М., 1892. С.110-111.
11. Иванов Ю.А. Документы Шуйского духовного правления о надзоре в религиозной сфере в первой половине XIX в. // Отечественные архивы. 1999. № 2. С.93.
12. Из Гуслиц // Русский курьер. 1880. № 2. С.3.
13. Абрамов Я.В. Указ. соч. С.125.
14. ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.3056. Л.63об.-64.
15. Там же. Д.2961. Л.26, 145; Д.3056. Л.31; Д.1803. Л.39; Д.3227. Л.38, 41, 46, 51.
16. Там же. Д.2961. Л.31, 149; Д.3056. Л.17; Д.3227. Л.8об., 45, 78.
17. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.130. Оп.13. Д.56. Л.55об.
18. Корнилий. Обзорение современного состояния раскола и сектантства в Ярославской епархии и положение миссионерского дела. Ярославль, 1909. С.22, 23, 26, 28.
19. ГАКО. Ф.130. Оп.13. Д.70. Л.44; Д.56. Л.53об.; ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.3227. Л.78; Д.3373. Л.74.
20. ГАКО. Ф.130. Оп.13. Д.73. Л.8-9; Д.60. Л.31; Д.72. Л.25об.
21. Там же. Д.68. Л.28; Д.72. Л.11; ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.2961. Л.75.
22. Из дневника надворного советника Брянчанинова по исследованиям раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В.Кельсиевым. Вып.2. Лондон, 1861. С.26.
23. ГАКО. Ф.130. Оп.13. Д.75. Л.67об.; Д.71. Л.3; Д.56. Л.53об.; ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.3056. Л.136.
24. Покровский уезд Владимирской губернии // Русский курьер. 1880. № 208. С.3.
25. Гуслицы Московской губернии. 8 октября // Русский курьер. 1879. №50. С.3.